

УДК 323.11(477.75):2

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В КРЫМУ

Шевчук А.Г.

Современные этноконфессиональные процессы в Крыму определяются суммой факторов объективного и субъективного характера. Перечень этих факторов может выглядеть следующим образом.

Ведущим фактором следует признать сложные процессы, обусловленные репатриацией, адаптацией и интеграцией ранее депортированных граждан в крымское и украинское общество. Существенное значение имеет развитие национальных движений в Крыму. Особое место отводится учету фактора позиционирования религиозных лидеров и представителей политических элит, выражающих интересы национальных групп, в вопросах межэтнической и межконфессиональной контактности. Нельзя не учитывать и фактора развития и углубления социокультурных контактов крымчан всех национальностей. Целью данной публикации является определение степени региональной выраженности совокупного воздействия вышеперечисленных факторов на формирование такого социального явления, как этноконфессиональный консенсус.

Современный Крым – это не просто среда обитания его жителей. Автономная республика приобрела характер пространства, где тесно взаимодействуют славяно-православная и тюрко-мусульманская культуры. В последнее десятилетие у этого взаимодействия имеется вполне конкретное статистическое измерение. С 1991 года из бюджетов Украины и АРК на нужды репатриантов было выделено 811 миллионов 982 тысячи гривен [1]. К апрелю 2004 года в Автономную Республику Крым, по данным ГУ МВД Украины в Крыму, на постоянное место проживания возвратилось свыше 243 тысяч репатриантов, преимущественно крымских татар, из 265,5 тысяч репатриированных граждан. Наибольший приток крымскотатарских переселенцев дали Крыму Узбекистан (72% от всех возвратившихся в Крым крымских татар) и Таджикистан (11,5%).

Естественное стремление возвратившихся крымских татар к обретению былого социально-политического и культурного статуса в значительной мере обуславливает направленность крымскотатарского движения на создание в регионе национальной государственности в форме национально-территориальной автономии, что не только выходит за рамки действующего конституционного законодательства Украины, но и не отвечает устремлениям большинства крымского населения [2].

Идея создания в Крыму крымскотатарской национальной автономии активно манифестируется как Меджлисом крымскотатарского народа, так и оппозиционным ему Координационным советом общественно-политических сил крымскотатарского народа, а также рядом других организаций крымскотатарского движения

(исключение составляет, пожалуй, только Совет аксакалов крымскотатарского народа).

Возможность создания национальной автономии в Крыму способствует усилению конфликтного потенциала региона. Этноконфессиональная конфликтность в Крыму является предметом пристального изучения политологов, географов и социологов. В исследовании этой проблемы выделяются работы крымских специалистов Абдураимова В.Э., Габриеляна О.А., Григорьянца В.Е., Ефимова С.А., Киселева С.Н., Киселевой Н.В., Куртиева Р.И., Мальгина А.В., Никифорова А.Р., Червонной С.М., Швеца А.Б. и др. [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]. Важной особенностью этноконфессиональных отношений в Крыму является тот факт, что они формируются в условиях региона, имеющего традиции так называемого «регионального патриотизма». Региональный патриотизм – это проекция региональной идентичности на те социальные процессы, которые возникают в обществе. Чаще всего варианты регионального патриотизма или его отсутствия проявляются в среде тех, кого принято считать региональной элитой. В состав этой довольно неоднородной и противоречивой по характеру поведения социальной группы входят лидеры национально-культурных и политических объединений, а также религиозных организаций. В Крыму эта общественная группа неоднократно заявляла о своей приверженности принципам демократического развития общества, мирного сосуществования различных этносов и конфессий. Это в немалой степени предопределило общую стабильность этнополитического развития Крыма.

Вместе с тем, последние годы стали для Крыма испытательным сроком на возможность сохранения этноконфессионального консенсуса.

Проявления социокультурной конфликтности имели место в общественном развитии Крыма в 2000 году («крестоповал»), летом 2001 года у стен Бахчисарайского Свято-Успенского монастыря, где радикально настроенные пикетчики из числа крымских мусульман столкнулись с органами правопорядка. Межэтнические столкновения между представителями крымскотатарского и славянского населения проявились в 2003 году в пределах Судакского и Феодосийского, а в 2004 году – Ялтинского и Алуштинского регионов. Здесь искусственно актуализировался так называемый «земельный вопрос».

Отметим, что проблема сохранения этноконфессионального консенсуса в Крыму имеет прямое отношение к тому, как проходит процесс интеграции ранее депортированных граждан. В этом отношении аналитики четко фиксируют механизмы, тормозящие интеграционные процессы.

Интеграция ранее депортированных народов тормозится дефицитом ресурсов и недостаточной эффективностью управленческих стратегий. Эти причины могут преодолеваться по мере роста экономики Украины и накопления управленческого опыта в Крыму.

Тормозящее воздействие на процесс интеграции ранее депортированных народов оказывает и факт противоречивого понимания сущности этого процесса со стороны его субъектов: этнических сообществ в лице организаций, представляющих их интересы, а также властей Крыма. Достаточно отметить, что базовое понятие «интеграция крымских татар в украинское общество», используемое всеми

государственными институтами Украины и международными организациями (ООН, ПАСЕ и др.), отсутствует в официально опубликованных документах Меджлиса крымскотатарского народа и лексиконе большинства его членов, являющихся одновременно и членами Совета представителей крымскотатарского народа при Президенте Украины.

По мнению автора, все субъекты репатриации должны четко сформулировать понятийный стандарт интеграционного процесса. Смысл такого стандарта заключается в том, чтобы у ранее депортированных народов появилось единое понимание того, что этническая интеграция – это процесс органического вовлечения и активного участия всех этносов в построение украинского государства. Иной вариант интегративных действий предполагает этническую самоизоляцию или добровольную сегрегацию. В зависимости от того, какой понятийный стандарт интеграционных процессов получит приоритетное признание в этнических сообществах Крыма, будут определяться перспективы их поведения и совместного проживания на полуострове. По мнению крымского политолога В. Абдураимова, современная жизнь крымских этносов протекает отдельно, без общих дел и проектов, с отдельными праздниками, обучением, политикой и бизнесом [11].

Отсутствие научно обоснованной концепции и четкого представления о стандартах и параметрах процесса интеграции, может повлечь негативные политические последствия: с одной стороны, в общественном сознании значительной части населения формируется негативный стереотип и протестный потенциал в отношении непропорционально завышенного, по представлению обывателей, внимания государства к нуждам ранее депортированных в ущерб другим категориям граждан; с другой стороны – некоторые представители крымскотатарской политической элиты необоснованно заявляют о геноциде крымскотатарского народа со стороны Украины, притеснениях со стороны государственных органов, что формирует соответствующий негативный стереотип и протестный потенциал среди крымских татар.

Интеграция ранее депортированных народов в украинский социум осложняется в Крыму наличием такого фактора, как поликонфессиональность. Особенно наглядно это проявляется в отношении крымских татар, которые в отличие от болгар, греков, немцев возвращаются в иноверное христианское сообщество, где в основном утрачены традиции совместного проживания с мусульманами.

Исламская конфессиональная инфраструктура в Крыму сегодня активно развивается. На полуострове функционирует Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК), в подчинении которого, по данным Комитета по делам религий при Совмине АРК, на 2004 г. находилась 331 община, 5 медресе (мусульманских духовных учебных заведений). В распоряжении ДУМК 170 мечетей. Украинское государство передало им в собственность около 40 культовых зданий и свыше 20 в безвозмездное пользование, в том числе 10 памятников архитектуры. За годы независимости Украины построено свыше 50 культовых зданий для мусульман Крыма, ныне строится ещё 16. В Турции и странах Арабского Востока происходит

подготовка служителей культа из крымских татар, в местных исламских общинах постоянно проповедают исламские миссионеры из-за границы. То есть в Крыму, как и в целом в Украине, создаются достаточные условия для реализации прав граждан на свободу совести и вероисповеданий.

Вместе с тем, положительная тенденция реставрации ислама в условиях крымской поликонфессиональности имеет латентную конфликтность. В процессе возрождения ислама в Крыму увеличивается количество исламских общин ваххабистского направления. Так, если в 2001 г. на полуострове насчитывалось 16 ваххабистских общин, то ныне их – 32. В Крыму активизировалась нелегальная партия «Хизб- ут - Тахрир», пропагандирующая ваххабизм , всемирный халифат и другие неортодоксальные учения. Причем, наиболее склонны к восприятию ваххабизма социально уязвимые прослойки крымскотатарской молодежи, часть которых «конфликтует» с действующим законодательством. Последователи ваххабизма пытаются усовершенствовать ислам, что ведет к расколу официальной конфессии.

Меджлис крымскотатарского народа и Духовное управление мусульман Крыма предпринимают определенные меры относительно предотвращения распространения ваххабизма среди крымских татар. В октябре 2004 г. решением Духовного управления мусульман Крыма были освобождены от занимаемых должностей 8 имамов крымских мечетей. Причина определена однозначно – уволенные священнослужители оказались членами партии «Хизб-ут-Тахрир», которая, по мнению Муфтията, распространяет среди крымских мусульман радикальные и экстремистские идеи, не связанные с исламом [12].

Заметим, что территориально «хизбутовцы» распространились в Крыму достаточно широко. Среди уволенных священнослужителей имамы центральных городских мечетей Белогорска, Джанкоя и Алушты, а также мечетей сёл Ароматное Белогорского района, Луганское Джанкойского района, Разливы и Чкалово Нижегородского района, Севастьяновка Бахчисарайского района. Муфтий мусульман Крыма уверен в том, что увольнения имамов будут продолжаться и в будущем, поскольку выявления членов этой запрещенной во многих странах организации в мечетях и мусульманских общинах Крыма только начался [13, с.3].

Распространением ваххабизма в автономии обеспокоена и официальная власть. Совет министров Крыма намерен подготовить предложения по изменениям, необходимым в законодательстве Украины, касающимся регистрации и функционирования религиозных общин. По словам председателя Совета министров Крыма, существующее сегодня законодательство не определяет или дает нечеткое трактование таких понятий, как «религиозный экстремизм», «фундаментализм» и им подобным, создавая тем самым юридические лазейки для легального существования организаций их проповедующих [12].

Впрочем, народный депутат Украины, первый заместитель председателя Меджлиса крымскотатарского народа Рефат Чубаров недавно высказал мнение о том, что у истоков активизации в Крыму нелегальной партии «Хизб-ут-Тахрир» могут стоять спецслужбы. По его словам, «хизбутовцы» пытаются внести раскол в идейно-религиозную среду крымских татар и тем самым «снизить активность

крымскотатарского национального движения» [там же, с.5]. А крымский политолог А.Форманчук в интервью газете «День» заявил, что появление организаций, подобных «Хизб-ут-Тахрир», является отражением общемировых тенденций, связанных с проблемой мирового терроризма. По его мнению, позиция этой партии в Крыму, прежде всего, будет зависеть от отношения к ней национального движения крымских татар, идеи которого выражает Меджлис [там же, с.5].

По нашему мнению, ни процесс исламского ренессанса в Крыму, ни сам крымскотатарский этнос – основной носитель «крымского ислама», ни та цивилизационная среда, в которую он сейчас реинтегрируется, не отвечают признакам, способствующим возникновению крайних экстремистских форм исламского фундаментализма. Сегодня крымские татары, несмотря на незавершенность процессов этнической консолидации, – это этнос, который уже давно порвал с архаическими формами жизни. Он глубоко втянут в процесс урбанизации, имеет современную социально-классовую структуру, высокий профессиональный, образовательный и общекультурный ценз.

В то же время, наличие в структуре крымскотатарского этноса значительных по численности социально неустроенных маргинальных групп (прежде всего – молодежи), сохраняющийся глубокий отрыв основной массы репатриантов от традиций возрождающегося канонического ислама, влияние негативных психологических стереотипов – последствий депортации, а также этнократические установки этнических националистов и злоупотребление мобилизующей ролью ислама в политических целях – всё это в совокупности и под давлением определенных внешних воздействий способно придать процессу реинтеграции ислама в Крыму конфликтогенный антиобщественный характер.

Общеизвестно, что ислам более чем какая-либо другая религия подвержен политизации, и это его свойство может быть в зависимости от обстоятельств использовано с диаметрально противоположным результатом. Он может играть роль фактора стабилизации или, наоборот, обострения общественно-политической ситуации в Крыму. В конечном счете, стратегия развития процессов конфессионального возрождения на полуострове зависит от наличия научно-обоснованной этнической и конфессиональной политики государства.

Задача социально-географического изучения процессов этноконфессионального ренессанса в Крыму не должна сводиться лишь к констатации отдельных фактов. Географы могут предложить собственное видение причин и последствий развития этих процессов. В настоящее время главной региональной особенностью этноконфессиональных процессов на полуострове является их скрытая конфликтность. Она не возникла неожиданно. Это результат действия множества внутренних и внешних факторов, главным из которых является геополитическое своеобразие Крыма. Расположенный на стыке христианской и мусульманской культур, Крымский полуостров всегда будет объектом явного и скрытого соперничества разнонаправленных сил и устремлений. Возможность сориентироваться в этом противостоянии интересов может появиться в результате отработки концепции этноконфессионального консенсуса. Смысл этой концепции определяется необходимостью создания географических основ региональной

политики в Крыму. В настоящее время региональная политика украинского государства носит в Крыму ситуативный характер. Она не учитывает того факта, что этноконфессиональное пространство Крыма является частью формирующегося украинского социокультурного пространства. По этой причине все проблемы этноконфессионального своеобразия Крыма обязательно отразятся на состоянии социокультурного пространства Украины.

Литература

1. Крымское время. – 19 ноября 2003 г. – С.5.
2. Ишин А.В. Проблема конфликтности в этнической сфере Крымского региона // Вестник Крымских Чтений Н.Я.Данилевского: Сб.науч.ст. Вып.1. – Симферополь, 2002. – С.36.
3. Абдураимов В.Э. Некоторые особенности этнических процессов в современном Крыму // Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. – Симферополь, 2002. – С.4 – 9.
4. Габриелян О.А., Ефимов С.А., Зарубин В.Г., Кислый А.Е., Мальгин А.В., Никифоров А.Р. и др. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. – Симферополь: Издательский Дом «Амена», 1998. – 340 с.
5. Григорьянц В.Е. К вопросу об этноконфессиональных аспектах процесса интеграции крымскотатарских репатриантов в украинский социум // Этнография Крыма XIX – XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. – Симферополь, 2002. – С.29 –36.
6. Киселев С.Н. Крымская русская идентичность – это реальность // этнография Крыма XIX – XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. - Симферополь, 2002. – С.71 – 76.
7. Киселева Н.В. Язык межнационального общения в полиэтничном Крыму (по материалам этносоциологических исследований) // Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. - Симферополь, 2002. – С.66 – 71.
8. Куртиев Р.И. Особенности условий этногенеза и этнической истории крымских татар // Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. - Симферополь, 2002. – С.76 – 86.
9. Червонная С.М. Возвращение и интеграция крымских татар в Крыму: 1990-е годы // Вынужденные мигранты. Интеграция и возвращение. М., 1997. – С.170 –176.
10. Швец А.Б. Русско-украинские отношения в Крыму: противостояние амбиций или диалог культур? // Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. - Симферополь, 2002. – С.143 – 148.
11. Полуостров. – 22 –28 октября 2004. – С.4.
12. Полуостров. – 22 –28 октября 2004. – С.5.
13. Полуостров. – 15 – 21 октября 2004. – С.1, 3.